

Едиханов Искандер Жамилович

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТАТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ З. ЗАЙНУЛЛИНА)**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с межкультурной составляющей переводческой компетенции. Сопоставление текста оригинала произведения татарского писателя З. Зайнуллина и его перевода на русский язык позволяет выявить направление и характер переводческих трансформаций и определить их причины. Показано, что адекватность перевода достигается за счет умения переводчика различными способами элиминировать лакуны культурного пространства текста оригинала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 93-95. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Наука, 1978. Т. 5. 528 с.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Наука, 1979. Т. 10. 712 с.
15. Русские поэты о Бродском [Электронный ресурс]: библиография / сост. В. Полухиной и В. Куллэ. URL: <http://www.ruthenia.ru/60s/brodsk/biblio.htm> (дата обращения: 24.10.2013).
16. Третьяков В. Литературная теория Иосифа Бродского как система // «Чернеть на белом, покуда белое есть...» Антиномии Иосифа Бродского: сб. статей. Томск: RaRt.com, 2006. 288 с.
17. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. 640 с.
18. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. 688 с.
19. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. 720 с.
20. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. 800 с.
21. Янгфельдт Б. Язык есть Бог. Заметки об Иосифе Бродском. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 368 с.

POETOLOGICAL IMAGE OF "MAGIC CRYSTAL" AS QUINTESSENCE OF CREATIVE METHOD OF M. I. TSVETAEVA AND I. A. BRODSKII

Egorov Aleksandr Aleksandrovich

Pskov State University

egorov.alexan@gmail.com

The article considers the poetological image of "magic crystal" as an exponent of the artistic heritage of M. I. Tsvetaeva and I. A. Brodskii. The fundamental differences in the creative methodology of studied poets are substantiated. Special attention is paid to the analysis of I. A. Brodskii's poetic texts, representing the image of "magic crystal" with the traces of both Pushkin's and Tsvetaeva's influence.

Key words and phrases: creative method; theme of creative work; poetology; reminiscential relations; lyric poetry; artistic image; Pushkin; M. I. Tsvetaeva; I. A. Brodskii.

УДК 81'25

Филологические науки

В статье рассматриваются вопросы, связанные с межкультурной составляющей переводческой компетенции. Сопоставление текста оригинала произведения татарского писателя З. Зайнуллина и его перевода на русский язык позволяет выявить направление и характер переводческих трансформаций и определить их причины. Показано, что адекватность перевода достигается за счет умения переводчика различными способами элиминировать лакуны культурного пространства текста оригинала.

Ключевые слова и фразы: межкультурная коммуникация; перевод; татарская литература; компетенция; трансформации.

Едиханов Искандер Жамилович, к. филол. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

eiskander@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТАТАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ З. ЗАЙНУЛЛИНА)[©]

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-14-16017 а/В.

Изучение ключевых вопросов, связанных с процессами взаимодействия языка и культуры, составляет одну из фундаментальных проблем теории языка, а также теории и практики межкультурной коммуникации. В процессе межкультурной коммуникации действуют как универсальные когнитивные механизмы понимания и порождения дискурса, так и культурно обусловленные факторы, к которым следует отнести культурно-специфические модели категоризации объектов и явлений действительности, отраженные в языковых классификациях, различия в фоновых знаниях и культурных пресуппозициях, культурно-специфическое восприятие контекста ситуации и культурно-специфические особенности построения разных типов дискурса.

Перевод, как известно, посредничество при межкультурной коммуникации, это акт не только лингвистический, но и культурный, акт коммуникации на границе культур. Процесс перевода всегда имеет два аспекта: язык и культуру, так как они неразделимы [11, с. 124].

Взаимодействие культур в процессе перевода предполагает ознакомление читателей перевода с фактами и идеями, свойственными чужой культуре, с целью расширения их кругозора и воспитания уважения к другим культурам, на что указывают работы Л. С. Бархударова [1], Е. В. Бреуса [2], В. С. Виноградова [3], В. Н. Комиссарова [8], Л. К. Латышева [9], Р. К. Миньяр-Белоручева [10], А. В. Федорова [12], А. Д. Швейцера [13] и др. Предполагается, что переводчик должен в равной (или почти равной) степени владеть как исходной, так и

переводной культурой. Между тем это далеко не так, и переводчик часто весьма приблизительно оценивает, а следовательно, и переводит те или иные элементы или целые категории исходного текста в сопоставительно-культурном плане.

Анализ лингвистической и методической литературы по переводу позволяет утверждать, что составляющими межкультурной компоненты переводческой компетенции являются: фоновые знания о предмете коммуникации и об элементах базовой части иноязычной «картины мира», соотносящихся с предметом коммуникации; лингвистические знания о типах языковых соответствий, лакунах культурного пространства и способах их элиминации; языковой навык распознавания и распределения содержания культурных терминов с опорой на фоновые знания; речевой навык понимания и употребления устойчивых соответствий в данной сфере межкультурного общения; речевое умение элиминировать лакуны культурного пространства с учетом этнокультурных особенностей коммуникантов [7].

В задачу переводчика входит не только отыскание эквивалентных соответствий для передачи коммуникативной установки отправителя, но и предоставление полнотелно необходимых пояснений, когда на пути правильного восприятия целей общения стоят межкультурные различия.

Исследованное нами произведение З. Зайнуллина «Концлагерьда Корбан бэйрәме» («Курбан-байрам в концлагере») и его перевод на русский язык являются показателем межкультурной коммуникации, проявляющейся на содержательном и лексическом уровнях. События, разворачивающиеся в произведении, обусловили изображение людей разных национальностей и культур. Оказавшись вместе на поле боя, затем в плену, они объединили свои духовные силы, чтобы противостоять суровым испытаниям войны. Особенно дух братства проявился в концлагере, во время празднования Курбан-байрама. Автор описывает, как марийцы, удмурты, грузины, чуваша, русские и другие записались в ряды мусульман, чтобы отдохнуть от тяжелой принудительной работы. Например, особое рвение, искренность проявляет грузин Гоги: *«Отчаявшись и кляня себя за забывчивость, Гоги уселся у порога мечети и что есть силы колотил себя кулаками в выбритую до синевы башку, повторяя стражам мечети, как заклинание, корявые слова на ломаном русском:*

– Ти-и ви-идишь, мая галава мусульман голова стал! Ви-идишь, валус нит, гулый сапси-им! Ви-идишь? Ти чу, слилуй? Уши мыл, нус мыл. Чистый сапси-им!..» [5, с. 125].

Курбан-байрам духовно объединяет людей разных национальностей и вероисповеданий, на время приглушается их боль, появляется ощущение своего, родного: *«Из мечети люди выходили внутренне очищенные, одухотворенные, считая себя истинными мусульманами. Они расходились степенно и тихо, и лица их светились тихой, спокойной радостью»* [Там же, с. 128].

Разрешение на проведение праздника в концлагере, предоставление помещения для чтения намаза, двухдневного отдыха было сделано немцами из уважения к другой религии: *«В эту минуту в мечеть зашли около двадцати немецких солдат и молча заняли места на самой задней скамейке. Кому-то из них не хватило места, и они также молча прислонились к стенам барака. Все они догадались снять обувь, прежде чем войти в мечеть. Вместе с солдатами в мечеть вошли также комендант и трое его офицеров»* [Там же, с. 127].

Автор произведения разделяет понятия «немец» и «фашист», высказывая устами героев мысль о том, что губительней немца может быть советская власть с ее доносами, репрессиями, не ставящая ни в грош человеческую жизнь: *«Герр майор! Прикажете немедленно, сегодня же закрыть мечеть. Если сюда придет русская армия, то ее командование, особенно НКВД, ничего не должно знать о прошедшем в лагере мусульманском празднике. Ни слова об этом! И вы, и мы должны забыть об этом...»* [Там же, с. 129].

Перейдем к рассмотрению особенностей перевода на лексическом уровне. Автор при переводе произведения часто использует такой способ трансформации текста, как добавление. Это связано с тем, что некоторые понятия не переводятся одним словом, а требуют описательный, разъясняющий тип перевода. Так, например, в оригинале произведения не даются объяснения понятий *фирман, мерген, рикагат, аксакал*, они встречаются в языке перевода:

Малай чагында фурман ясьй алгач, хэзер сиңа бер хикәят язубы пүчтәк кенә ул дип уйлыым мин [6, с. 40] / *Ты еще мальчонкой фирманы (Фирман – указ, приказ, распоряжение. Переписывался обычно писарем) мог писать, а уж рассказы сбавать – для тебя дело левое* [5, с. 110].

Кергәч, сине безнең аксакалыбыз диярбез [6, с. 44] / *Мы скажем, что ты являешься нашим аксакалом, то есть старейшиной, или старостой, по немецким понятиям* [5, с. 120].

Хэзрәт зур тырышлык, осталык күрсәтеп дүрт рикагать намазны үткәрде [6, с. 47] / *Хазрет тщательно, вдохновенно исполнил четыре рикагата – особых намазных поклона с молитвой* [5, с. 127].

Корбан бэйрәме! Иртәгә бэйрәм дигән кичне эссе мунча! Ап-ак күлмәк-ыштан! Ә иртәнчәк кыстыбый, ка-бартмалы, вак бәләш, өчпочмак, итле ашлы Корбан бэйрәме-е! Ул бит әле «бисмилла» әйтеп суйган малның хәләл итеннән пешергән токмачлы эссе аш [6, с. 43]! / *Курбан-байрам! Да-да, как же! Кто не помнит этого чудесного праздника?! Жарко натопленная баня вечером накануне праздника... Белые штаны... белая рубашка... белые платья... С утра пораньше – праздник Курбан-байрам с чтением Корана, его кыстыбы, эчпочмаками, кабартмой, блишем (татарские национальные блюда), жертвенным мясом и супом из него* [5, с. 118]!

Динебезнең йоласын үтәп вагазь укыды безгә [6, с. 46] / *Он стал читать пророчество – вагаз* [5, с. 126].

Добавления также встречаются при передаче ощущений рассказчика, увидевшего в первый раз море: *«Зрелище, конечно...», «Вода и вода – без конца и края»* [Там же, с. 116].

Непривычное звучание для русского сознания восхваления Аллаха мусульманами переводчик уменьшает путем добавления перевода-толкования: *«Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк его!»* [Там же, с. 124].

Интересно, что лексические единицы, относящиеся к профессиональной сфере, не имеют эквивалентов при переводе, что дает возможность охарактеризовать их как лакунарные единицы [4]. На русский язык они передаются с помощью транслитерации: «хазрет», «чапан», «чалма», «Кыбла», «Курбан-гаит», «Курбан-байрам», «муэдзин», «гает», «азан», «аксакал» [5].

Добавления встречаются также при обращении. Если в оригинале комендант лагеря обращается к Мустафе как «*мөселман хэзрәте*» [6, с. 47], то в переводе это оформляется в виде «*господин мусульманский хазрет*» [5, с. 128], что характерно для русской традиции.

Переводчик Ф. Фаизов, чтобы полнее передать состояние татар в предвкушении праздника, использует фразеологизмы, характерные для христианской традиции. Часть предложения «...*аш казаннарын көзән жырьды, алар азык сорап, татар азыгы сорап, ыңгырашып алдылар*» [6, с. 43] он переводит как «*желудки непроизвольно заурчали, прося пищи богов, требуя татарскую небесную манну*» [5, с. 118]. Благодаря употреблению фразеологизмов «*пища богов*», «*небесная манна*» происходит усиление выразительности оригинала на стилистическом уровне.

Текст оригинала содержит большое количество разговорных элементов, которые сохраняются и в переводе: «...*как можно отказать смешному татарчонку, который старательно и горячо лопочет что-то вроде: —Хруши камандыр рута грузин – литинат Дида. Тульке у ниво я живой буду?!*» [Там же, с. 113]. Слово «*нимес*», встречающееся в разговоре пленных, заменяется контекстуально-стилистическим эквивалентом «*фриц*», выражающим отрицательную оценку. Это обусловлено тем, что повествование ведется от первого лица, свидетеля событий того времени, выходца из народа. Иногда переводчик, видимо, стремясь усилить экспрессивность текста, добавляет в речь героев дополнительные фразы: «...*Данке шен, спасибо и рахмат вам! Вы действительно сотворили хорошее дело для мусульман!*» [Там же, с. 129].

В тексте перевода встречается также опущение отдельных фрагментов произведения. Например, в русском тексте разговор коменданта с Мустафой приводится не полностью. Ответ-рассуждение Мустафы о религиозных притеснениях властей остается за пределами переведенного текста. Такого рода трансформация в отдельных случаях препятствует раскрытию художественного образа. К примеру, переводчик не счел возможным рассказать о вступлении Галаяева в кружок атеистов в студенческие годы, его выступлениях против религии.

Таким образом, произведение З. Зайнуллина «Концлагерьда Корбан бэйрәме» и его перевод на русский язык наглядно демонстрируют связь культур не только разных народов, но, будучи продуктами словесного творчества, и разных поколений. Переводчик, по нашему мнению, в целом сумел достичь адекватности переводного текста оригиналу, поскольку в тексте перевода реализована межкультурная составляющая переводческой компетенции.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 227 с.
2. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: учеб. пособие. М.: Изд-во УРАО, 2001. 103 с.
3. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2004. 240 с.
4. Едиханов И. Ж. О транслитерационном способе перевода лексических единиц, содержащих фоновую информацию (на материале произведения Ш. Марджани) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150. Кн. 6. С. 182-188.
5. Зайнуллин З. Курбан-байрам в концлагере: быль // Современная татарская проза / пер. с татарского; сост. Л. Газизова, С. Малышев. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. С. 108-131.
6. Зайнуллин З. Концлагерьда Корбан бэйрәме: булган хэл // Идел: молодежный журнал Татарстана / на татарском языке. Казань, 2003. № 4. С. 40-48.
7. Иванова Ю. В. Обучение художественному переводу как виду межкультурной речевой деятельности: английский язык, языковой вуз: автореф. дисс. ... к. пед. н. Таганрог, 2005. 20 с.
8. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
9. Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания перевода. М.: Просвещение, 1998. 160 с.
10. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М.: Велби, 2007. 480 с.
11. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М.: Наследие, 2000. 253 с.
12. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы: учеб. пособие. Изд-е 5-е. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 416 с.
13. Швейцер А. Д. Теория перевода – статус, проблемы, аспекты. М.: Гардарика, 2008. 368 с.

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION IN TRANSLATED TEXT (BY THE MATERIAL OF TATAR WRITER Z. ZAINULLIN'S WORKS)

Edikhanov Iskander Zhamilovich, Ph. D. in Philology
Kazan (Volga Region) Federal University
eiskander@yandex.ru

The article considers the issues related to the cross-cultural component of translation competence. A comparison of the text of Tatar writer Z. Zainullin's original work and its translation into the Russian language allows revealing the direction and nature of translational transformations and determining their reasons. It is shown that the adequacy of translation is achieved due to the ability of an interpreter to eliminate the gaps of the cultural space of the original text in various ways.

Key words and phrases: cross-cultural communication; translation; Tatar literature; competence; transformations.